

О РОДОВОЙ ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА*

К.Х. МОМДЖЯН

Темой нашей конференции является антропологический подход в социальном познании, который стал следствием предметной переориентации философии с безличных субстанций типа материи и духа, к анализу человека и его места в мире. Должен сказать, что у меня есть серьезные претензии к этому подходу. Главная из них состоит в том, что многие философы и социологи, вдохновленные идеей «возвращения к человеку», стали ставить под сомнение реальность существования надындивидуальных общественных институтов, матриц социального взаимодействия. Мы получили всплеск социально-философского номинализма, утверждающего, что «армия — это всего лишь множественное число от слова солдат», «общество — это множественное число от слова человек» и т.д.

Вместе с тем несомненным плюсом антропологического поворота в философии стала субстанциализация человека, понимание того факта, что человек, будучи общественным существом, имеет некоторую надындивидуальную сущность, которая не зависит от того, в какие конкретно общественные отношения он встроен, какие конкретные социальные роли он выполняет.

Именно этой проблеме родовой сущности человека, которая не сводится к константам анатомии, физиологии и генетики и не выводится из них, посвящено мое выступление. Эта проблема всегда вызывала острейший интерес философов. Особое значение она приобрела в современную эпоху глобализации, выступая как вопрос о существовании общечеловеческих ценностей, присущих любому и каждому из людей. Очевидно, что наличие таких ценностей может служить основанием (и оправданием) дальнейших усилий развивать человеческую историю «в направлении целостности». Напротив, отсутствие общечеловеческих ценностей могло бы превратить глобализацию из объективно необходимой интеграции стран и народов в их принудительную унификацию, обреченную в итоге на исторический провал.

Чтобы решать эту проблему содержательно, а не на уровне политологических дискуссий, мы должны рассмотреть родовую сущность человека, которая включает в себя универсальные ценности, но не сводится к ним.

Под *родовой сущностью* человека я понимаю систему универсальных нетелесных и надтелесных свойств, определяющих образ жизни «человека вообще», независимо от этнических, конфессиональных, профессиональных, статусных и прочих различий между людьми.

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Междисциплинарные основания социальной теории: информационные, системно-теоретические и этно-антропологические подходы к изучению общества», грант № 14-03-00796.

Конечно же, сущность человека не сводится к ее родовой проекции. Любой человек, сохраняя неизменными свои родовые признаки, становится носителем других свойств, которые образуют нашу *историческую и индивидуальную сущность*.

Под *исторической сущностью* я понимаю типические свойства людей, которые принадлежат разным обществам и разным культурам, занимают разное место в них и потому ведут разный образ жизни. В результате такой исторической конкретизации «человек вообще» приобретает социокультурную определенность и выступает перед нами как исторически типизированный субъект («русский», «преподаватель», «атеист», «либерал» и пр.).

Что касается *индивидуальной сущности*, то она представляет собой совокупность свойств, выделяющих человека в среде себе подобных, ведущих типологически идентичный образ жизни. Я убежден, что именно эти признаки конституируют человеческую личность. Я не согласен с расширительной трактовкой этой категории, в соответствии с которой она используется для «отображения социальной природы человека», дублируя тем самым категорию «субъект».

Понятие «личность» действительно характеризует человека в его неприродных измерениях, которые не затрагивают группу крови, форму носа или отпечатки пальцев. Однако речь идет не о социальности вообще, а об индивидуализированной социальности. Думаю, что *личность* — это *социокультурная индивидуальность человека*, выходящая за рамки его телесных особенностей. Нетрудно видеть, что такой подход исключает рассуждения о «личности» типизированных субъектов. Бессмысленно говорить о «личности человека вообще», равно как и о «личности декана», «личности профессора» и пр.

Вернемся, однако, к родовой сущности человека. Она представляет собой сложно организованную системную совокупность свойств, в структуре которой могут быть выделены три иерархически связанных уровня.

Первый из них образуют субстанциальные особенности человеческого поведения, отличающие людей от любых других живых существ. К числу таких особенностей относятся следующие.

1. *Способность к символическому поведению, основанному на абстрактно-логическом, вербально-понятийном мышлении*. Убежден, что первым шагом на пути понимания родовой сущности человека должен быть анализ субстанциальных особенностей мышления. Это задача философской онтологии, которая должна решить знаменитую «mind-body problem» и это задача социальной философии, которая должна установить качественные отличия между абстрактно-логическим мышлением человека и программами поведения животных.

Кстати, это очень непростая задача. Ее решение не может не опираться на данные биологии, этологии, нейропсихологии и других отличных от философии наук. Однако решить эту задачу без философии, на мой взгляд, невозможно. Об этом свидетельствуют серьезные ошибки, совершаемые самыми талантливыми представителями естествознания.

Достаточно вспомнить Конрада Лоренца, который критерием мышления считал способность решать ранее неизвестные задачи, которую он называл «понимающим поведением». Другие ученые считают, что способность мыслить возникает вместе со способностью к информационному прогнозу динамики среды и превентивной реакции на ее воздействия.

В действительности признаком мышления становится только такая эвристика и только такая прогностика, которые основаны на способности моделировать ситуацию, т.е. предпосылать воздействию на физический объект операции с образом этого объекта, осуществляемые в воображаемом пространстве.

2. Второй из специфических поведенческих способностей человека является *орудийное отношение к среде*. Собственно говоря, в генетическом плане способность создавать, хранить и многократно использовать орудия труда предпослана абстрактно-логическому мышлению и, по мнению большинства антропологов, способствует его формированию. Не удивительно, что многие ученые рассматривают орудийность не просто как необходимый, но и как достаточный признак человека, понимая его не как существо разумное, а как существо, создающее орудия труда.

Я не согласен с таким пониманием, которое не учитывает различие между генетическим и логическим соотношением человеческих признаков. Убежден, что именно мышление, независимо от породивших его причин, делает человека человеком, выводит образ жизни формирующихся людей за рамки действия законов биологии. Вы можете, как какой-нибудь *Nomo habilis*, обладать орудийностью, но при этом ваш образ жизни ни на йоту не будет выходить за рамки действия биологических законов (и потому правильно будет именовать вас не «человеком умелым», а всего лишь «австралопитеком умелым»). Лишь с появлением мышления люди начинают вести себя по-человечески — возникают социальная солидарность, орудийный прогресс, символическая регуляция поведения и т.д.

3. Наконец, третья субстанциальная особенность человека связана с *особым типом коллективности*, который основан на взаимодействии солидаристского типа. Правда, с ходом истории солидаризма становится все меньше и меньше, между людьми возникают отношения конфликтного взаимодействия, нередко переходящие в отношения антагонизма. И тем не менее тип коллективности, присущий человеку, качественно отличается от коллективности животных моральной регуляцией поведения, институциональным разделением труда и нормативным распределением его продуктов.

Перечисленные мною субстанциальные особенности поведения порождают второй из уровней родовой природы человека — систему видоспецифических потребностей и интересов, которые являются инициальными факторами человеческих действий, детерминирующих наше поведение.

Под потребностью я понимаю объективно-реальное свойство человека испытывать надобность в конечных условиях, без которых жизнь или невозможна или некомфортна. Потребности выступают как первопри-

чины человеческих действий, актуализация которых вызывает у человека интерорецептивные ощущения, переходящие во влечения, порождающие желания, цели и пр.

Под интересом я понимаю объективно-реальное свойство человека испытывать надобность в объектах-медиаторах, необходимых для создания, хранения и использования предмета потребности. Так, вода является для меня предметом потребности, а вот пластиковая бутылка, в которую она налита, деньги, на которые я покупаю эту бутылку, кассовый аппарат, кассовый чек, продавец в магазине, сам магазин являются для человека предметом интереса.

Наконец, третий уровень родовых человеческих свойств представлен инвариантами душевной и духовной организации людей. Среди этих видоспецифических свойств человеческого сознания важнейшую роль играет способность к выбору поведенческих альтернатив, именуемая свободой воли. Эта способность оценивать и выбирать альтернативные реакции на безальтернативные влечения основана на ценностях, под которыми понимаются мотивационные предпочтения людей, связанные с выбором конечных целей существования. Я убежден, что у всех представителей нашего вида существует совершенно одинаковый набор ценностей, что не мешает людям разных культур иметь разные ценностные предпочтения, свой тип субординации универсальных ценностей.

ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ. ЗНАНИЕ/НЕЗНАНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ДИСТИНКЦИЯ И ОСЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ*

А.Ю. АНТОНОВСКИЙ

Многие теоретики искали возможность сформулировать универсальное суждение о человеке, характеризующее его независимо от культур, эпох, этносов и страт, к которым он принадлежит. В качестве такой характеристики я предлагаю дистинкцию *знания* и *не-знания*. И в каждом обществе эта ось дифференциации людей проходит по-разному, но именно она определяет фундаментальное различие в типах обществ и, как следствие, классификации людей (в смысле Э. Дюркгейма). Перейдем к разным возможностям таких классификаций, чтобы свести их в одну.

Начну с формулирования первого тезиса: *универсальное высказывание о человеке возможно как временная дистинкция* или *временная квалификация*. Мы делим людей на современных и несовременных, причем среди

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Социальная философия науки. Российская перспектива», грант № 14-18-02227.